

ЧЕПЕЛЕВ ИГОРЬ

ЧЕЛОВЕК ЗА СТЕКЛОМ

Он умел чинить всё.
Кроме собственной семьи

Игорь Чепелев

**Человек за стеклом.
Он умел чинить все.
Кроме собственной семьи**

«Автор»

2026

Чепелев И.

Человек за стеклом. Он умел чинить все. Кроме собственной семьи
/ И. Чепелев — «Автор», 2026

Глеб — тот, кого на работе называют скалой. В три часа ночи он поднимает упавший сервер, пока все вокруг паникуют: ровный голос, ясная голова, всё под контролем. Дома он такой же ровный — и в этом беда. Жена уходит с одной фразой: «Я устала любить стекло». В ответ он приносит ей таблицу с планом — и ломает этим всё окончательно. Дочь рисует их семью: мама и она на траве, под солнцем, а папа отдельно, в синей рамке окна. Это роман о человеке, который однажды научился не чувствовать, потому что иначе бы не выжил, — и которому теперь предстоит самое трудное: разучиться.

Содержание

Пролог. Палата	6
Глава 1. Авария	7
Глава 2. Город	9
Глава 3. Синий экран	10
Глава 4. Аквариум	12
Глава 5. Двести литров	14
Глава 6. Жёлтое платье	16
Глава 7. Перья	17
Глава 8. Июль	18
Глава 9. Смородина	19
Глава 10. Турбулентность	21
Глава 11. Ложная тревога	22
Глава 12. Стажёр	23
Глава 13. Регламент	24
Глава 14. Годовщина	25
Глава 15. Виноград	27
Глава 16. Серьёзный круг	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Игорь Чепелев
Человек за стеклом. Он умел чинить
все. Кроме собственной семьи

Человек за стеклом

Роман

Пролог. Палата

По больничному коридору танцевала девочка.

Лет пяти, в красном платье в горошек, с бантом, съехавшим набок. Она кружилась под музыку, которую слышала только она: раскинув руки, запрокинув голову, зажмурившись, и подол вставал вокруг неё колоколом. Ей было всё равно, что вокруг больница. Она кружилась так, будто коридор — это бальный зал, а линолеум — паркет, и, докружившись до головокружения, покачивалась, хохотала сама с собой — звонко, взхлёб, на весь этаж — и тут же начинала кружиться в другую сторону.

Из палаты на четвёртом этаже на неё смотрел старик.

И смеялся. Смех приходил сам, откуда-то из глубины, тихий и тёплый, как вода из-под снега, — и старик не останавливал его, а слушал, удивляясь, что внутри ещё есть чему течь.

— Чему вы смеётесь? — спросила медсестра, поправляя капельницу.

Он открыл рот — и не нашёл ответа. Он не знал. И девочка не знала: она бы не поняла вопроса, даже если бы её спросили. Она просто танцевала.

Старика звали Глеб, и ему было восемьдесят. Торопиться ему было уже некуда: окно выходило на голые зимние деревья, капельница неспешно считала капли, и дни стояли такие же ровные и одинаковые, как эти деревья. Врачи говорили с ним вполголоса и осторожно, а между собой — ещё тише, но в их паузах он слышал больше, чем в словах. Он не вслушивался.

Его занимало другое. Жизнь, которую полагалось бы сейчас перебирать, как альбом, рассыпалась в руках на отдельные карточки, и карточки не складывались. Зелёный свет аквариума в тёмной комнате. Запах жареной рыбы и подсолнечного масла на всю квартиру — и вкус горячего карася, обжигающего пальцы. Детский рисунок, где вокруг человека дважды обведена синяя рамка. Сложенный вдвое лист на кухонном столе. Пар, поднимающийся над горячей водой в снегу, и колючий чистый запах мороза. Чьи-то мокрые пёрышки волос после ванны, пахнущие детским шампунем. Вкус соли на губах и визг сквозь шум волн. Кровь, размазанная по раме велосипеда. Всё лежало одинаково отчётливо и одинаково далеко, и он не мог сказать, что из этого было с ним, что он видел когда-то в кино, а что ему рассказали люди, которых он давно забыл.

Восемьдесят лет — а собрать не из чего.

И было ещё одно, чего он не понимал. В какую карточку ни взглядишь, отовсюду ему врезалось стекло. Стекло аквариума. Синяя рамка, похожая на окно. Запертая стеклянная дверь. Стёкла, стёкла — они прошивали его память насквозь, как нитка, на которую кто-то нанизал всю его жизнь, и он никак не мог вспомнить, что это была за нитка и почему именно стекло.

Девочка в коридоре снова рассмеялась и пошла на новый круг.

И Глеб, глядя на неё, начал раскладывать свои карточки — все подряд, с самого начала. Чтобы успеть понять, кем же он был.

Часть первая. Скала

Глава 1. Авария

В двадцать три сорок у телефона на кухонном столе разом погасли все чужие разговоры.

Только что рабочий чат жил своей вечерней жизнью — кто-то присылал мемы, спорил про отпуск, ставил смешные реакции, — и вдруг тишина. А потом одно короткое сообщение, набранное явно на бегу: «у нас всё красное».

Глеб понял всё раньше, чем зазвонил телефон. Упал прод — та невидимая машина, что день и ночь крутит деньги и заказы тысяч чужих людей, — и теперь она лежала, а вместе с ней ложился на бок кусок мира, за который отвечал он.

Он допил остывший чай, поставил кружку ровно на подставку, чтобы не оставить круг на столе, и открыл ноутбук.

К полуночи в переговорке горел свет, хотя формально никто уже не работал. Пришли те, кому не всё равно, и те, кто просто не мог уснуть, зная, что где-то в системе тихо осыпается то, что они строили полгода. Молодой разработчик, Артём, стоял у окна и повторял одно и то же: «Этого не может быть, я же ничего не деплоил, я вообще ничего не трогал». Голос у него подрагивал. Менеджер, Лена, писала кому-то наверх и вслух проговаривала, как объяснит это утром, и от каждой её фразы в комнате становилось на градус тревожнее.

Глеб сел в углу, спиной к стене, лицом к экрану, и мир вокруг него начал сжиматься.

Это было знакомое, почти приятное чувство. Сначала гас звук: голос Артёма отдалился, стал фоном, как гудение кондиционера. Потом исчезла комната — окна, кофейный автомат, чьё-то забытое на столе печенье. Осталась только цепочка: запрос, ответ, лог, ещё лог, время отклика, всплеск на графике в двадцать три тридцать восемь. Внутри этой цепочки не было ни ночи, ни усталости, ни тревоги. Была только задача, ясная и честная, и он сам, наведённый на неё, как узкий луч прожектора в тёмном зале.

— Так, — сказал он, и в комнате все замолчали, потому что научились: если Глеб говорит «так», значит, катастрофа только что перестала быть катастрофой и стала последовательностью действий. — Артём, ты не виноват, перестань. Дело не в тебе. Смотри сюда.

Он не утешал. Он просто снял с человека то, что мешало думать, — потому что вина сейчас была лишним шумом, а место в голове нужно было под другое. Он развернул экран.

— Всплеск не совпадает с релизом. Значит, дело не в коде, который мы выкатили. Что-то изменилось снаружи. Лена, напиши наверх, что причину мы локализуем в течение часа, точнее пока не обещаем. Не паникуй в переписке, они читают твою панику быстрее, чем твои цифры.

— Час — это много, — сказала Лена.

— Час — это честно. Обещать пятнадцать минут и не успеть — вот это дорого.

И началась работа. Он разбивал огромную, бесформенную беду на маленькие проверяемые куски, и каждый кусок, отвалившись, делал темноту чуть менее страшной. Проверили одно — не то. Проверили другое — теплее. Артём, у которого ещё десять минут назад дрожали руки, вдруг обнаружил, что тоже думает, а не боится, потому что рядом сидел человек, который явно не собирался тонуть, и тонуть в его присутствии было как-то неловко.

Причину нашли в три часа ночи. Сторонний сервис, от которого они зависели, тихо поменял формат ответа — без предупреждения, среди ночи, как это обычно и бывает. Ничья вина и одновременно общая. Глеб написал заплатку, аккуратную и временную, честно пометив в комментарии, что это костыль и его надо будет убрать. Графики медленно позеленели. Кто-то в чате поставил сердечко. Артём выдохнул так, будто с него сняли рюкзак с камнями, и сказал:

— Глеб, ты реально скала. Я бы тут поседел.

Глеб кивнул. Он привык. Его так называли давно и многие — скала, камень, человек, которого невозможно вывести. Им казалось, что он умеет не бояться. И он никогда их не разубеждал, потому что и сам почти в это верил.

В четыре утра он ехал домой по пустому городу. Фонари, разметка, редкий встречный свет. Внутри рабочего луча всё было ясно; теперь луч погас, и мир за окном машины сделался плоским и серым, как всегда делался, когда задача заканчивалась. Он поймал себя на странном: там, в горящей переговорке, среди чужой паники, он чувствовал себя живее и цельнее, чем будет чувствовать через час, тихо открывая дверь в тёмную квартиру, где спят два самых близких ему человека.

Он тогда не придавал этому значения. Просто отметил, как отмечают показание прибора, и поехал дальше.

Телефон в кармане один раз коротко дрогнул. Сообщение от Марины, отправленное ещё в полночь, которое он так и не прочитал за всю аварию: «Соня ждала, что ты позвонишь пожелать спокойной ночи. Уснула. Не буди».

Он прочитал его на светофоре. Подержал в голове секунду. Потом свет сменился на зелёный, нога сама нашла педаль, и мысль о том, что дочь ждала его звонка, ушла туда же, куда уходило всё, что не помещалось в узкий луч, — в темноту по краям.

Глава 2. Город

Такие ночи, как эта, случались нечасто. Обычно дни Глеба были ровными, неотличимыми один от другого.

Город, в котором жил Глеб, лучше всего был осенью.

К октябрю небо опускалось низко и делалось ровного жемчужно-серого цвета — без солнца и без дождя, просто мягкий рассеянный свет, в котором всё становилось чётче и тише. По утрам асфальт блестел от ночной сырости, и к нему прилипали жёлтые кленовые листья, тёмные по краям. Пахло этими листьями и мокрым камнем; где-то — кофе из окошка киоска, где-то — тёплым хлебом из пекарни в полуподвале; а на перекрёстках всё перебивал холодно-железный запах близкого дождя.

Район был старый: облупленные доходные дома в четыре этажа, проходные дворы с бельевыми верёвками и тополями, трамвайные рельсы, блестящие двумя серебряными нитями. Дальше, за рекой, начинался другой город — стеклянные башни делового квартала, где среди прочих стоял и офис Глеба, и по утрам их верхние этажи тонули в низкой облачности.

Глеб выходил из дома в одно и то же время, в одном и том же тёмном пальто, под которым была одна и та же синяя рубашка. Одежда для него была решённой задачей: он покупал сразу несколько одинаковых вещей и больше о ней не думал. Он шёл к метро мимо женщины, продававшей с ведра мокрые астры, мимо дворника, сгонявшего листья в шуршащие горки, мимо школьников в куртках нараспашку — и почти никого из них не замечал. Луч включался ещё в подъезде, мысли уходили вперёд, в рабочий день.

Метро встречало тёплым подземным воздухом с особым его запахом — резины, нагретого железа, чужих духов и мокрой шерсти. Эскалатор нёс вниз плотный поток тёмных пальто и опущенных лиц, подсвеченных снизу экранами телефонов. В вагоне Глеб стоял, держась за поручень, покачиваясь вместе со всеми, и читал что-то рабочее, и толпа вокруг была для него не людьми, а фоном, тёплым и безличным, как гул.

Офис был на четырнадцатом этаже стеклянной башни. Просторный опенспейс, ряды столов, синеватый свет мониторов, ровный гул серверов и кондиционеров, кофемашина, шипящая в углу. За панорамными окнами лежал весь серый город, размытый по краям дождём, и по нему ползли крохотные трамваи. Здесь всё было понятно и ровно. Утренний созвон, кофе, код, обед в стекляшке на первом этаже, снова код. Дни, в которые ничего не случалось, — и именно из таких дней, а не из аварий, состояла большая часть его жизни.

Вечером город зажигался. Мокрый асфальт удваивал каждый огонь, витрины лили тёплый свет на тротуары, из открытых дверей кофеен тянуло корицей и молоком. Люди спешили домой под зонтами, иногда двое под одним; на углу старик кормил голубей, и они взлетали и садились, взлетали и садились. Из канализационного люка поднимался пар и таял в свете фонаря.

Глеб шёл сквозь всё это ровным шагом, домой, к аквариуму. Город вокруг был полон мелкой тёплой живой жизни — и почти вся она проходила мимо него, по ту сторону тонкого невидимого стекла, которое он носил с собой повсюду, даже здесь, даже в этот красивый обыкновенный осенний вечер.

Глава 3. Синий экран

За все годы Марина так и не разобралась до конца, за кого вышла замуж — за того тёплого парня, каким Глеб был вначале, или за скалу, которой он стал потом. А начинался он именно как тёплый.

Познакомились они из-за сломанного ноутбука.

Марина тогда доучивалась на дизайнера, и за ночь до защиты диплома её ноутбук показал синий экран смерти — и умер, забрав с собой полгода работы. Она обзванивала всех подряд, всхлипывая в трубку, пока кто-то из общих знакомых не сказал: «Есть один парень, Глеб. Он умеет. Он вообще всё умеет».

Он взял трубку после второго гудка.

— Да.

— Здравствуйте, — сказала Марина, стараясь, чтобы голос не дрожал, и голос тут же задрожал. — Мне ваш номер дал Костя, он сказал, вы гений, у меня завтра защита, а ноутбук... он синий. Просто весь синий, и там всё, вся моя жизнь, полгода...

— Что было на экране до того, как стало синим? — спросил Глеб.

— Я... не помню. Буквы какие-то.

— Ноутбук роняли?

— Нет! То есть... с дивана. Один раз. Невысоко.

— Диван высокий?

Марина посмотрела на диван.

— Обычный, — сказала она с отчаянием человека, которого допрашивают на языке, которого он не знает. — Вы можете приехать? Пожалуйста. Я заплачу сколько скажете.

Пауза. Марина слышала, как на том конце что-то щёлкает — как она потом узнает, он уже собирал сумку.

— Адрес, — сказал Глеб.

Он приехал в двенадцатом часу ночи — молча, с маленькой отвёрткой и флешкой в кармане. Сел за стол, буркнул «сейчас посмотрим» и надолго замолчал. Марина металась за спиной:

— Может, чаю? Или кофе? У меня есть печенье. Оно, правда, с прошлой недели, но...

— Угу, — сказал Глеб, не слыша ни слова.

— Скажите честно, — не выдержала она через двадцать минут, — всё пропало, да? Вы молчите, потому что всё пропало.

— Я молчу, потому что работаю, — сказал Глеб, не оборачиваясь. И, помолчав, добавил: — Диск живой. Плата умерла, диск живой. Ваши полгода вот здесь, — он постучал отвёрткой по железке размером с ладонь, — просто они пока не умеют разговаривать. Сейчас научим.

И это «сейчас научим» было первым, что её в нём зацепило: он сказал это так, как говорят «сейчас всё будет» испуганным детям.

Через час он развернул к ней экран, где ровными рядами лежали все её файлы, живые и целые. Марина чуть не расплакалась во второй раз, теперь от счастья, и выпалила:

— Ты спаситель! Я тебя обожаю, проси что хочешь!

Глеб, не поднимая головы, ровно сказал:

— Технически я просто вытащил диск и примонтировал его к другой машине. Обождать необязательно.

И Марина захохотала — так, что перебудила соседей, — потому что это было самое смешное и самое серьёзное, что ей сказали за всю ту кошмарную неделю.

— А защиту вы завтра сдадите, — сказал он уже в дверях, глядя чуть мимо неё. — У вас макеты хорошие. Я видел, пока копировал. Особенно тот, с чайками.

— Это не чайки, — сказала Марина. — Это логотип.

— Значит, хороший логотип, — сказал Глеб. — Похож на чаек.

Защиту она сдала на отлично. Логотип потом переделала — в нём и правда было что-то от чаек.

Ухаживал он смешно. Свидания Глеб планировал, как проекты: заводил общий документ, просчитывал маршруты, изучал отзывы на рестораны так дотошно, будто выбирал не место для ужина, а систему хранения данных. «У нас свидание или тендер?» — смеялась Марина, отнимая у него телефон с таблицей. Но под этой нелепой серьёзностью пряталось что-то живое и тёплое. Он умел вдруг, с каменным лицом, выдать такую шутку, что она давилась смехом на всю улицу. Однажды, ничего не сказав, он приехал к ней под окна в три часа ночи только потому, что она обмолвилась, что ей грустно, — стоял внизу, засунув руки в карманы, не зная толком, что теперь делать, и от этой его беспомощной нежности у неё перехватило дыхание.

Глава 4. Аквариум

Аквариум появился в доме в одну субботу, когда Соне было три года.

Она влюбилась в рыбок ещё до того, как научилась толком выговаривать это слово. В торговом центре, у входа в аптеку, стоял большой круглый аквариум с золотыми рыбками, и Соню невозможно было оттащить от него: она стояла, прижавшись носом к стеклу, растопырив пальцы, и следила за каждой рыбой с такой серьёзностью, будто ей показывали чудо. Она просила «рыбку» на каждый день рождения, на каждый Новый год, вставляла в любую просьбу. И в ту субботу Марина сказала: ну хорошо, поехали.

Магазин был на окраине — огромный ангар, заставленный аквариумами от пола до потолка. Стены светились: сотни подсвеченных стёкол, ряд за рядом, синеватый ровный свет, и в нём медленно плавали рыбы всех цветов, какие бывают на свете. Воздух был тёплый и влажный, пах водой, тиной и чем-то зелёным, и всё помещение мягко, ровно гудело — это работали разом сотни фильтров, целый океан невидимой техники, поддерживающей всю эту жизнь.

Соня сошла с ума от счастья. Она носилась от стойки к стойке, прижималась к каждому стеклу, тыкала пальцем и кричала: «Эта! И эта! И вот эта, с усами!» — и тут же бежала к следующей. Она давала им имена быстрее, чем успевала разглядеть. Продавец, привыкший к таким детям, улыбался.

Глеб готовился к этой субботе неделю: прочитал про азотный цикл, про объёмы, про совместимость видов, про жёсткость воды и мощность фильтрации, и теперь ходил по магазину с лицом человека, проектирующего систему. Он расспрашивал продавца про производительность фильтров, сравнивал, прикидывал вслух нагрузку на литр.

— Мы вообще-то рыбок выбираем, — смеялась Марина, — а не строим дата-центр.

Но она не мешала ему. Она знала, что это и есть его способ любить: когда Глеб не мог сказать «я хочу, чтобы у нашей дочери всё было идеально», он вместо этого высчитывал оптимальный объём и подбирал самый надёжный фильтр. Любовь у него выходила в литрах и ваттах — но это была любовь, и в тот день это чувствовалось.

Взяли большой аквариум, на двести литров. Глеб настоял: «Чем больше объём, тем стабильнее среда, тем труднее что-то испортить». Марина махнула рукой — пусть.

А рыбок выбирала Соня. Это было её царское право, и тут никакие расчёты Глеба не действовали. Она хотела всех сразу; сошлись на нескольких. И среди прочих в одном из аквариумов плавала крупная спокойная рыба с синеватой чешуёй — она двигалась медленно, важно, чуть впереди остальных, будто вела за собой маленькую свиту. Соня замерла перед ней.

— Вот этот, — сказала она твёрдо. — Он главный. Он капитан.

И назвала его так на месте, не раздумывая: Капитан. Потому что плывёт первым и всех ведёт. У Глеба был в голове аккуратный, рациональный список — кого с кем можно селить, — и Капитан в этот список не вписывался идеально. Глеб посмотрел на дочь, на её сияющее лицо — и молча вычеркнул свой список. Капитан поехал с ними.

Домой возвращались с рыбами в завязанных пакетах с водой. Соня держала их на коленях всю дорогу, боясь дышать, и не отрывала от них глаз, и сообщала на каждом светофоре, как они там, а Марина сзади смеялась. Дома Глеб полдня собирал, заливал, запускал, потом осторожно опускал завязанные пакеты в воду — «пусть привыкнут к температуре, нельзя сразу». Соня «помогала» — то есть стояла рядом и мешала самым счастливым образом. Марина заваривала чай.

К вечеру аквариум ожил в углу гостиной — засветился ровным зелёным светом, зашевелилась вода, поплыли, осваиваясь, рыбы. Соня в пижаме отказывалась идти спать. Она обошла аквариум по кругу, пожелала спокойной ночи каждой рыбе по очереди, а Капитану — последнему и отдельно, приложив ладошку к стеклу.

В тот вечер аквариум был самым счастливым предметом в доме. Общий проект, общая радость, свет, у которого собралась вся семья. Пройдёт несколько лет, и этот же аквариум станет самой холодной, самой одинокой вещью, которой Глеб владел, — тёплой честной системой за стеклом, в которую он спрячется от всех. Но это будет потом. А в ту субботу это было просто счастье, тихо булькающее в углу.

Глава 5. Двести литров

«Потом» наступило незаметно, как всё важное в его жизни.

Тот самый аквариум, купленный в счастливую субботу, с годами стал единственным местом в квартире, которое Глеб понимал полностью.

Двести литров ровной, подсвеченной воды жили по законам, которые можно было записать. Температура — двадцать пять с половиной, и термометр не капризничал, не обижался, не менял требований в зависимости от настроения. Кислотность держалась в узком коридоре, и если она уходила, вода честно сообщала об этом — не намёком, не молчанием, а цифрой. Фильтр гудел ровно, как исправная совесть. Здесь всё можно было измерить и, если что-то шло не так, привести в норму понятным движением: добавить, убавить, подменить, подождать.

Глеб любил стоять перед аквариумом по вечерам с чашкой чая. Рыбы двигались медленно, беззвучно, каждая по своим невидимым делам, и в их мире не было недосказанности. Голодная рыба ела. Больная рыба пряталась. Ничего не значило больше, чем значило. Он поправлял поток, смотрел на приборы, и внутри у него становилось спокойно тем особым спокойствием, которое даёт управляемая система: я знаю, как здесь всё устроено, и я могу это удерживать.

С людьми так не получалось.

— Ты опять там? — Марина стояла в дверях кухни, вытирая руки полотенцем. Она спросила без злости, скорее устало, и Глеб не сразу понял, что «там» — это не про аквариум, а про него.

— Я дома, — сказал он.

— Ты в квартире, — поправила она. — Это разное.

Он не понял разницы. Точнее, понял слова, но не то, что за ними стояло, — как не понимал бы ошибку без стектрейса. Он видел жену, которая явно чего-то от него хотела, но чего именно, оставалось неясно, а неясность он не любил. В коде неясность лечилась: ставишь лог, ловишь значение, читаешь. Здесь логов не было. Было только лицо Марины, которое он когда-то читал легко, а теперь всё чаще — как текст на языке, который он начал забывать.

— У тебя что-то случилось? — спросил он, и это был честный вопрос, вопрос инженера: если есть проблема, назови её, и я решу.

Марина посмотрела на него долгим взглядом.

— Нет, — сказала она наконец. — Ничего не случилось. В том и дело.

И ушла обратно на кухню.

Он остался стоять, чувствуя смутное неудобство — тот самый сигнал, который тело подаёт, когда что-то не так, но словаря для перевода нет. «Как-то неправильно». «Что-то мимо». Он не умел разложить это на составляющие, не умел сказать себе: сейчас мне тревожно и одиноко, потому что человек, которого я люблю, стоит в трёх метрах и мы не можем дотянуться друг до друга. Он умел отлаживать распределённые системы по слабым сигналам, читать чужой запутанный код, восстанавливать причину аварии по обрывкам логов, — но к самому себе этот навык почему-то никогда не применял.

Из комнаты вышла Соня в пижаме с жирафами, семь лет, волосы после ванны торчат мокрыми перьями.

— Пап, а рыбки спят?

— Некоторые. Вон те, у камня, — да. А эти нет, они ночные.

— А им не страшно в темноте?

— Им нормально. У них нет такого страха, как у нас. У них всё проще устроено.

Соня прижалась носом к стеклу.

— А я вчера боялась. Была гроза, и я думала, ты придёшь, а ты не пришёл.

Глеб почувствовал, как внутри что-то дёрнулось — коротко, глубоко, где-то там, за стеклом, — и тут же, по многолетней привычке, включился другой механизм. Не побыть с этим. Починить это.

— Гроза не опасна, если ты в доме, — сказал он ровно. — Молния бьёт в высокие предметы на улице, а дом заземлён. Гром — это просто звук, он не может тебе навредить. Смотри, я тебе завтра нарисую, как это работает, и ты перестанешь бояться.

Он говорил правильные вещи, чистую правду, — и не заметил, как отменил её страх вместо того, чтобы побыть с ним рядом.

Она кивнула — дети быстро учатся, что от этого папы получают не тепло, а объяснение, — и сказала «угу», и пошла спать. У двери обернулась:

— А ты придёшь пожелать спокойной ночи? По-настоящему, а не завтра?

— Приду, — сказал он. — Через десять минут. Только гляну приборы.

Он подошёл к аквариуму, проверил температуру — двадцать пять с половиной, идеально, — поправил поток фильтра, залюбовался на секунду тем, как ровно всё работает. Достал телефон посмотреть один рабочий чат, только один. В чате обсуждали тот самый ночной костыль, и кто-то предлагал вариант получше, и Глеб начал печатать ответ, и мир снова сузился до узкого луча, в котором всё было ясно и управляемо, а по краям исчезало время.

Когда он поднял голову, было почти двенадцать. За стеной давно спали. Он так и не зашёл к Соне.

Он постоял в тёмной прихожей, между кухней, где остыл ужин, который никто его не позвал есть, и детской, куда он опоздал на полтора часа. Аквариум ровно светился за спиной, единственный источник света в квартире, — тёплая, честная, полностью понятная ему система за толстым стеклом.

А по эту сторону стекла спали два человека, которых он любил и до которых почему-то не мог дотянуться, — и он даже не знал, что именно между ними стоит.

Глава 6. Жёлтое платье

Пока он стоял по вечерам у аквариума, в квартире шла другая жизнь — и у этой жизни был свой день, о котором Глеб почти ничего не знал.

Утро Марины начиналось в семь с чужого будильника: свой она ставила на семь пятнадцать, но просыпалась от Глебова, а он спал дальше. Она успевала сварить кашу, найти Сонины колготки, заплести две косички, проверить рюкзак, поругаться про мультики, поцеловать в макушку и выдохнуть только в маршрутке, глядя в запотевшее окно.

Работала она в маленькой студии — рисовала упаковку: коробки для чая, этикетки для мёда, банки, тубики. Ей нравилось. В студии пахло кофе и картоном, на стенах висели пробные оттиски, и девчонки-коллеги были свои: с ними можно было хохотать над заказчиком, который просил «сделать красиво, но подешевле», и жаловаться на всё на свете. Марина рисовала быстро, ярко, и когда у неё принимали макет с первого раза, она шла домой лёгкая, как в юности.

В обед звонила Оля, младшая сестра. Оля жила на другом конце города с мужем Виталиком — добродушным здоровяком, который вечно пропадал на подработках и на все семейные бури отвечал одним «разберёмся», — и с двумя детьми, которых хватило бы на пятерых.

Старшая, Лиза, была Олина гордость: умница, красавица с серьёзными глазами, занималась танцами и уже привозила с конкурсов грамоты, которыми была увешана вся кухня. «Не в нас пошла», — гордо говорила Оля, и обе сестры хохотали. Младший, Мишка, был другой породы — артист. Талантливый до жути: во дворе он собирал вокруг себя толпу детей и взрослых и травил истории так, что его слушали открыв рот. И тем же талантом пользовался дома без всякой совести: вдохновенно врал, глядя честными глазами, устраивал спектакли со слезами по заказу и шантажировал семью голодовками — «не буду есть, пока не купите». Оля жаловалась на него в трубку через смех и ужас пополам: «Марин, он меня сегодня опять переиграл. Мне пять лет, а он меня переиграл!»

Разговоры у сестёр были из тех, что не начинаются и не кончаются, а просто продолжаются с любого места: про маму, про Лизкины конкурсы, про Мишкины гастроли по соседям, про цены, про какую-то кофту. Говорили они на своём языке, наполовину из междометий, и смеялись одинаково — громко, запрокидывая голову, так, что оборачивались прохожие. Мама всегда говорила: вас двоих слышно раньше, чем видно.

По четвергам Марина ходила с подругами в кафе — три женщины, знакомые ещё с института, два часа разговоров обо всём. Подруги рассказывали про своих мужей — кто смешное, кто наболевшее, — и Марина слушала, кивала и почти всегда отшучивалась. Про Глеба рассказывать было нечего. Не плохое — вообще ничего. «Он у тебя как?» — «Работает». Это была чистая правда и полный отчёт.

Домой она возвращалась к восьми, с пакетами, готовила, проверяла Сонины прописи, вешала выстиранное, отвечала маме в мессенджере. Из комнаты доносился ровный стук клавиатуры. Иногда она открывала шкаф, где висело жёлтое платье — то самое, в котором она когда-то нравилась себе больше всего, — трогала его ладонью и закрывала шкаф. Надевать его было некуда.

Вечером, уложив Соню, она садилась на кухне с телефоном и остывшим чаем. В квартире было тихо: гудел аквариум, стучали клавиши. Всё было хорошо. Все были дома.

Она сидела в этой тишине и не могла объяснить даже себе, чего в ней не хватает.

Глава 7. Перья

Сонин день был устроен просто. Утром — мама: каша, косички, «не вертись», тёплые руки, запах маминых духов, когда она наклоняется завязать шарф. Днём — школа: подружка Кира, с которой они менялись наклейками, вредный Коля с задней парты, продлёнка, где давали компот. Вечером — опять мама: уроки, ужин, мультитк, ванна.

А ещё в мире были рыбки и папа.

Рыбки жили в углу гостиной и светились зелёным. С ними полагалось здороваться: прийти из школы, прижаться носом к стеклу и найти глазами Капитана — самого главного, самого красивого, которого Соня выбрала сама, когда была ещё маленькая. Капитан подплывал к стеклу, и Соня было уверена, что он её узнаёт.

Папа приходил, когда Соня уже лежала в кровати. Она слышала сквозь сон, как щёлкает замок, как папа тихо ходит по кухне, как гудит чайник. Иногда она специально не спала, чтобы дожидаться: папа заглядывал в комнату, стоял в двери — большой, тёмный на фоне коридорного света — и, если она подавала голос, подходил, клал тяжёлую тёплую руку ей на голову и говорил: «Спи. Всё хорошо». Рука у папы была самая лучшая. Жалко, что ненадолго.

По выходным папа был дома, но как будто не совсем. Он сидел за столом и смотрел в экран, и у него было такое лицо, что даже мама говорила: «Не сейчас, папа работает». Соня подходила и молча стояла рядом, ожидая, когда её заметят. Иногда замечал: разворачивался, показывал на экране разноцветные строчки и объяснял что-то непонятное и интересное. А иногда не замечал совсем, и тогда Соня шла к рыбкам. Рыбки замечали всегда.

Однажды вечером она сделала открытие.

Она стояла у аквариума и рассказывала Капитану про школу, а он плавал за стеклом и не слышал ни слова — рыбки не слышат, Соня давно это выяснила: стучишь, зовёшь, а им хоть бы что, стекло не пускает голос. И тут из-за спины, из-за стола, мама позвала папу ужинать. Раз позвала. Два. Папа сидел в трёх шагах, смотрел в экран, и лицо у него светилось синим, как вода в аквариуме, — и он не слышал ни слова. Совсем как Капитан.

Соня посмотрела на рыбок. Потом на папу. Потом опять на рыбок.

Ну конечно!

Ей стало ужасно смешно. Папа — рыбка! Она прыснула, зажала рот ладошкой и побежала на кухню делиться:

— Мам! А папа у нас как рыбка в аквариуме!

Шутка была отличная, лучшая за неделю. Но мама почему-то засмеялась не сразу — и не так. Посмотрела через комнату на папину спину, подсвеченную синим, потом на Соню, потрепала её по голове и сказала: «Садись ужинать, юмористка». Взрослые вообще странно смеются над самым смешным.

В школе на рисовании задали нарисовать семью. Кира нарисовала свою на даче, с собакой. Соня нарисовала маму, себя и солнце с ресницами — быстро, привычно. Потом подумала и стала рисовать папу. Папа получился хороший, в синей рубашке, похожий. Но чего-то не хватало — он выходил как будто не совсем в рисунке, не со всеми. Соня грызла карандаш и думала. А потом вспомнила тот вечер: Капитана, который не слышит, и папу, который не слышит, и мамино «ужинать» — раз, два, — разбившееся о его спину. Она поняла, чего не хватало. У Капитана стекло было. А у папы — ещё нет.

Она взяла синий карандаш и аккуратно, дважды обведя, нарисовала вокруг папы рамку. Вот теперь было похоже.

Глава 8. Июль

В июле город плавился.

Жара стояла вторую неделю, асфальт к полудню делался мягким и пах гудроном, тополиный пух собирался вдоль бордюров грязными сугробами, и мальчишки поджигали его, и огонёк бежал по пуху быстрой синей змейкой. Окна стояли нараспашку во всех домах сразу, и город переговаривался сам с собой: из одного окна музыка, из другого ложечка звенит о стакан, из третьего кого-то зовут ужинать — протяжно, на два слога, как звали всегда и везде.

Двор оживал к вечеру, когда спадало. Старухи выносили к подъезду табуретки. Мужики у гаражей мыли машины из шланга, и радуга висела в брызгах. Дети носились с визгом через прыгающую по асфальту струю, и с ними, отставая на полшага, носился чей-то мокрый счастливый пёс.

В один из таких вечеров у Глеба зазвонил телефон. Санёк — друг детства, с которым они выросли в точно таком же дворе на другом конце города. Санёк звонил редко и всегда внезапно, как летний ливень.

— Глебыч! — заорала трубка сквозь треск костра и чей-то хохот. — Живой? Мы на пруду, шашлыки, все свои! Давай к нам, а? Как в детстве!

В трубке плескалась вода, звенела гитара, кто-то требовал передать Глебычу привет. Глеб сказал, что занят. Что как-нибудь обязательно. Что вот разгребётся — и приедет.

— Ну смотри, — сказал Санёк без всякой обиды. — Твоё «как-нибудь» уже лет десять едет. Обнял, брат.

И отключился — шумный, тёплый, живой. Глеб постоял с замолчавшим телефоном в руке, послушал, как за окном во дворе визжат под струей чужие дети, и вернулся к ноутбуку.

В их квартире жара жила по своим законам. Марина с утра занавешивала окна от солнца, и комнаты стояли в полосатом зеленоватом полумраке, как в воде. Обедали окрошкой. Соня ходила в трусах и панаме, липла ко всем по очереди и оставляла на полу отпечатки босых пяток. По вечерам покупали арбуз — Глеб выбирал его по науке, стуча и слушая, как доктор, а Марина говорила «да бери любой, они все одинаковые», и оба каждый раз оставались при своём. Арбуз ели на кухне, над клеёнкой, наперегонки, и Соня набирала полный рот косточек и стреляла ими в раковину, и ей было велено прекратить, и разрешено продолжить.

Аквариуму жара не нравилась. Глеб воевал за свои двадцать пять с половиной: замораживал бутылки с водой, опускал их за стекло, снижал свет. Рыбы стояли в прохладной струе у фильтра, как горожане у фонтана.

Ночами не спалось всему дому. Слышно было, как за стеной ворочаются соседи, как где-то до двух играют в карты на балконе, как по пустой улице изредка прошуршит машина. Соня перебиралась под утро в родительскую кровать — «у вас холоднее» — и спала поперёк, раскинувшись морской звездой, оттеснив обоих к краям. И они лежали по краям своей кровати, разделённые спящим ребёнком, в тёплой темноте, полной чужих окон и чужих голосов, и это было то самое лето, которое потом вспоминается всю жизнь — не событиями, а вот этим: пухом, арбузом, полосатым полумраком и детской пяткой у тебя на подушке.

Глава 9. Смородина

А раньше, пока была жива мать, июль означал ещё и дачу.

Каждое лето, в отпуск, они ездили на неделю к родителям Глеба — два часа электричкой, потом автобус, потом пыльная улица с лопухами и дом с участком, где пахло нагретыми досками, укропом и колодезной водой. Мать выходила к калитке раньше, чем они успевали дойти, — маленькая, в платке, с руками, вечно испачканными землёй, — и первое, что делала, это охватывала всех взглядом и выносила диагноз: «Худые. Все трое. Ну ничего, откормим».

Дома, в городе, мать была тихим фоном — щебетала когда-то за двоих и давно отщебетала. А на даче она оживала: среди грядок у неё появлялся голос, походка, распоряжения.

Всю жизнь она проработала медсестрой в детской поликлинике — сорок лет уколов, справок и чужих орущих детей, — и оттуда у неё остались лёгкие быстрые руки, привычка говорить с любым испуганным существом тихим ровным голосом и святая вера в то, что почти всё лечится едой, сном и «не накручивай». Любила она делами: не обнимала лишний раз, не говорила слов, но варенье варила «без уксуса», носки штопались до того, как в них появлялась дырка, а когда маленький Глеб болел, она сидела у его кровати ночами — молча, положив прохладную руку на лоб, и от этой руки выздоравливалось лучше, чем от микстур.

С отцом за пятьдесят лет они выработали язык из трёх слов и интонаций. «Угу» у отца было двенадцати сортов, и мать различала их все: угу-да, угу-нет, угу-отстань, угу-горжусь. Со стороны казалось, что они не разговаривают. На самом деле они разговаривали не переставая — просто на частоте, которую посторонний приёмник не брал. Глеб вырос внутри этой частоты и был уверен, что так устроены все семьи на свете. Марина потом два года вздрагивала от тишины в доме свёкров, пока однажды не увидела, как мать, не оборачиваясь от плиты, говорит «сядь поешь», а отец, не отрываясь от газеты, отвечает «угу», — и она вдруг услышала, что это было «я волновалась» и «я дома, всё хорошо». Здесь был её гараж — только вместо контуров инструментов по стене шли ряды банок, надписанных её круглым почерком: «смородина 2019», «огурцы малосол.», «Глебу — без уксуса», потому что Глеб с детства не ел с уксусом, и это помнилось тридцать лет, без всякого файла.

Соня, которой было тогда три, пропадала в смородине. Её находили по шевелению кустов и по довольному сопению: она сидела внутри куста, как в шалаше, объедая ветки на своей высоте, чумакая и абсолютно счастливая. «Оставь ягоду на варенье!» — кричала мать для порядка, и обе знали, что это ритуал, а не запрет.

Отец с Глебом чинили. Всегда что-нибудь чинили — насос, калитку, проводку в сарае; дача исправно ломалась ровно на неделю их приезда, будто копила поломки к сезону, и оба подозревали, что мать имеет к этому отношение. Работали, как всегда, молча: «подержи тут», ключ на двенадцать, готово. За этим молчанием им обоим было хорошо — это был их единственный общий язык, и на даче на нём говорили подолгу.

Дважды в день, в девять и в девять, у отца звонил будильник — старый, кнопочный, — и отец, не прерывая дела, доставал из нагрудного кармана таблетницу с ячейками по дням недели. Он сидел на этих таблетках уже тридцать лет, с первого своего криза, и глотал их по часам, не запивая, как выполняют регламент: без жалоб, без пропусков, без разговоров. «Сердце — это насос, — сказал он однажды Глебу, кивнув на грядки, где возилась мать. — Насос требует обслуживания». И больше на эту тему не было сказано ничего и никогда.

Вечерами топили баню, ужинали на веранде под жёлтой лампочкой, вокруг которой толклись мотыльки. Мать подкладывала всем по третьему разу, рассказывала соседские новости за год, и отец изредка вставлял «было дело» — высшую форму участия в беседе. Марина в эти вечера как-то особенно тихо улыбалась; она однажды сказала Глебу, уже в темноте, под скрип

панцирной кровати: «Теперь я понимаю, откуда ты такой. И знаешь — здесь ты мне нравишься больше всего. Здесь ты хотя бы молчишь на родном языке».

Обратно уезжали с багажником банок. Мать стояла у калитки, пока автобус не скрывался за поворотом, — они не видели, но знали, что стоит.

Никто тогда не знал, которая из этих одинаковых летних недель окажется последней. Последняя оказалась такой же, как все: смородина, насос, банки, «худые, откормим». Может, поэтому Глеб потом так и не смог вспомнить в ней ничего особенного — и никогда не мог забыть её всю.

Глава 10. Турбулентность

Билеты пришли в среду: конференция, чужой город, два часа лёту. Марина положила ему в чемодан свитер, Глеб проверил регистрацию — всё как всегда. О том, что начнётся с ним завтра на высоте, не знал никто: ни коллеги, ни даже она.

Глеб летал часто — конференции, другие офисы, чужие города, где надо было лично поднять чью-то упавшую систему. Он был скалой везде. Кроме десяти тысяч метров.

На земле этого никто не знал. Он бронировал билет спокойно, проходил контроль спокойно, садился в кресло у окна с ровным лицом человека, для которого перелёт — просто способ переместить тело из точки А в точку Б. Сосед по ряду видел собранного, невозмутимого пассажира, который тут же открывал ноутбук.

А потом бортпроводники просили сложить столики, привести спинки в вертикальное положение и убрать ноутбуки — и самолёт вырубивал на взлёт. Вот тут-то и начиналось самое трудное: прятаться было уже некуда. Столик сложен, ноутбук убран, руки на виду, делать нечего — только сидеть и ждать.

На разбёге ладони Глеба становились мокрыми. Он вжимал их в колени, потом сцеплял в замок, потом клал на подлокотники и сжимал так, что белели костяшки. Сердце шло вразнос. При каждом толчке, при каждом провале в воздушную яму тело выдавало одно и то же короткое, животное: сейчас всё кончится. Разумом он знал цифры — что статистически это безопаснее дороги в аэропорт, что вероятность исчезающе мала, что конструкция рассчитана на нагрузки во много раз больше. Он повторял эти цифры про себя, как молитву. Цифры доходили до головы и не доходили до ладоней. Ладони не читали статистику.

Снаружи — ничего. Лицо ровное, дыхание ровное. Сосед, покосившись, решал, что этот человек то ли дремлет, то ли думает о работе. Никому и в голову не приходило, что скала сейчас, вот в эту секунду, беззвучно умирает от страха.

А когда самолёт набирал высоту и гас сигнал ремней, Глеб хватался за единственное спасение, которое знал: работу. Открывал ноутбук и уходил в задачу, в узкий луч, где нет ни высоты, ни турбулентности, ни бездны под тонким полом. Загружал голову так плотно, чтобы страху не осталось места. Но на взлёте и посадке, когда прятаться было не за что, он всякий раз оставался с ним один на один. За несколько дней до рейса он и вовсе запрещал себе о нём вспоминать — вычёркивал из мыслей, как вычёркивают неприятную встречу. Он не то чтобы не боялся. Он просто научился не смотреть на свой страх — и принимал это за то, что страха нет.

Сказать вслух «я боюсь летать» он не мог. Скала не боится. Он не говорил этого ни жене, ни коллегам, ни даже себе. И только там, наверху, запертый в кресле над облаками, наедине с этим древним ужасом, он оказывался ближе всего к какому-то живому, неотредактированному чувству — так близко, что становилось не по себе. И каждый раз торопливо захлопывал эту дверь. Загонял чувство обратно. Долетал. Выходил из самолёта с уже сухими ладонями и ровным лицом, шёл по рукаву спокойным шагом человека, которого невозможно вывести.

Страх никуда не девался от того, что Глеб на него не смотрел. Он просто уходил в ладони.

Глава 11. Ложная тревога

На земле тревоги тоже случались — только другого рода.

Однажды среди бела дня взвыла «критическая» тревога. Дашборды покраснели разом, один из важных сервисов захлёбывался от запросов, будто по нему били тараном. Переговорка наполнилась за минуту.

— Так, это атака, — объявил Артём, влетая с ноутбуком наперевес. Глаза у него горели ужасом и восторгом пополам. — Это стопроцентно атака. Нас ддосят. Наконец-то дожили!

— Артём, — сказала Лена, не отрываясь от телефона.

— Нет, ну а что ещё? Смотрите на график! Это же таран!

— Артём. — Лена уже печатала наверх, и с каждым её словом воздух в комнате густел. — Если через десять минут у меня не будет внятной причины, мне придётся писать директору. А если я напишу директору слово «атака», сюда приедут люди в пиджаках, и мы все забудем, как выглядят наши дети. Поэтому очень тебя прошу: не «стопроцентно», а причину.

— Может, будить безопасников? — предложил кто-то из угла.

Глеб сел в свой угол и стал спокойно разбирать.

Это была не атака. И не баг. Кто-то ломился в их сервис снаружи — методично, ровно, каждые две секунды, с точностью механизма. Атаки так не выглядят: у атак нет такого занудного, аккуратного постоянства. Так себя ведёт не злоумышленник. Так себя ведёт исправный прибор.

— Глеб, — не выдержала Лена через десять минут. — Скажи мне что-нибудь. Любое. Мне наверх писать.

— Пиши: причину локализуем, — сказал Глеб, не поднимая головы. — Атаки нет.

— А что есть?!

— Пока не знаю. Но оно очень вежливое и очень пунктуальное. Злоумышленники такими не бывают.

Источник нашёлся минут через двадцать. Глеб некоторое время молча смотрел в экран, проверяя, не сошёл ли он с ума. Сходил на кухню. Вернулся. Ещё раз посмотрел в экран. Потом поднял глаза на напряжённую, взмокшую переговорку и сказал абсолютно ровным голосом:

— Нас второй час убивает кофемашина.

В комнате стало очень тихо.

— В смысле? — осторожно спросил Артём.

— Та новая, на кухне, — продолжил Глеб так же ровно. — Кто-то подключил её к вай-фаю. Она каждые две секунды дёргает наш статус-сервис, чтобы рисовать у себя на экранчике зелёную галочку. — Он выдержал паузу. — Она просто очень переживает за наше здоровье.

Секунду все молчали, переваривая. Первой сломалась Лена — она издала звук, которого от неё никто никогда не слышал, что-то среднее между всхлипом и свистом, и захохотала, закрыв лицо руками, так, что с неё слетели очки. Артём сполз под стол и оттуда, из-под стола, слабым голосом спрашивал: «Кто?! Кто её подключил?! Я хочу знать имя героя!» Кто-то побежал на кухню выдёргивать кофемашину из розетки, и красное на дашбордах послушно позеленело — впервые в истории аварию устранили походом на кухню.

— Я уже написала директору слово «расследуем», — сказала Лена, вытирая глаза. — Что мне теперь ему писать? «Виновата кофемашина, приняты меры, кофемашина отключена от связи»?

— Напиши: инцидент исчерпан, виновный установлен и лишён доступа, — сказал Глеб. — Всё правда.

Артём ещё долго не мог успокоиться и к вечеру приклеил на кофемашину бумажку: «Не трогать. Следит за проддом». Глеб, проходя мимо, позволил себе едва заметную улыбку.

Глава 12. Стажёр

Артём попал к Глебу три года назад — стажёром, прямо с институтской скамьи, с горящими глазами и полным отсутствием страха, который приходит только с опытом.

В первую неделю он уронил тестовый стенд. Во вторую — умудрился отправить рассылку по живой базе. Отправив, он сидел белый и ждал казни: про Глеба среди стажёров ходили легенды — говорили, что он читает код взглядом и что от его молчания увольняются.

Глеб подъехал на кресле, посмотрел на экран. Помолчал.

— Так, — сказал он. — Сломали — сделаем. Смотри.

И следующие два часа Артём смотрел — как Глеб спокойно, без единого упрёка, разворачивает аварию назад, шаг за шагом, вслух объясняя не «что нажимаю», а «почему сюда смотрю». Это был самый содержательный урок в его жизни. В конце Глеб сказал: «Теперь ты. Я рядом», — и заставил Артёма своими руками повторить весь путь, и сидел рядом, пока тот не закончил, далеко за полночь.

Учил он вообще странно. Не лекциями — присутствием. Мог молча развернуть монитор: «Смотри». Мог дать поддержать настоящую боевую задачу — «подержи тут», — и стоять за плечом страховкой. Похвала его была двухсловной: «Годится» означало «хорошо», «Чисто» — высшую награду. Лена переводила стажёрам с Глебова на человеческий:

— Он сказал «в целом разумно».

— Это плохо?

— Это он тебя к докладу на митапе представил, дурень. Радуйся.

За три года из Артёма получился инженер — быстрый, аккуратный, с Глебовой привычкой сначала смотреть в логи, а потом волноваться. Он единственный в команде не боялся Глебова молчания, потому что однажды просидел внутри этого молчания два часа над сломанным стендом и знал, какое оно на самом деле. Не холодное. Рабочее. Молчание человека, который рядом.

Откуда у Глеба этот способ — учить руками и молчанием, «сломали — сделаем», — сам Глеб не задумывался ни разу. Способ был как воздух. По умолчанию.

Глава 13. Регламент

Дом у Глеба был устроен так же, как его сервисы, — надёжно.

Продукты приезжали по вторникам и пятницам, по шаблону, который он выверял года три: молока всегда два, бананы брать зелёными, Сонин йогурт — тот, с медведем, и никакой другой. В кладовке жил резервный запас всего на свете — лампочки, батарейки, соль, зубная паста, — и дом Глеба не знал слова «кончилось»: вещь, подходящая к концу, сама собой возникала в новой упаковке, как по волшебству, только волшебство называлось «точка пере-заказа».

Робот-пылесос выходил на смену в десять утра по будням. Соня назвала его Борисом, а однажды наклеила ему на корпус два бумажных глаза — и Глеб не снял: осмотрел, признал, что на функциональность не влияет, и внёс в настройки имя, потому что технику положено маркировать. С тех пор Борис жужжал по квартире, глядя на мир круглыми удивлёнными глазами, и был единственным членом семьи, к которому у Глеба не имелось ни одного вопроса.

В отдельном файле, который назывался просто «Семья», жили размеры одежды всех троих, даты прививок и дни рождения Мариной родни — с пометками, выведенными опытным путём: «тётя Люда: не спрашивать про сына», «дядя Гена: дарить инструмент, коньяк не дарить», «бабушка: звонить до девяти, после — расстраивается, что поздно ложимся». Марина однажды заглянула в этот файл через его плечо и долго не могла решить, смеяться ей или плакать: муж вёл её родню, как ведут проект.

Забота его была настоящей — просто вся, без остатка, имела форму процесса.

Маринына машина сама собой оказывалась переобутой к первому снегу: он помнил, записывал, отвозил, возвращал с полным баком. «Твоя готова», — говорил он, кладя ключи, и шёл дальше, не дожидаясь благодарности, потому что закрытая задача в благодарности не нуждается. Когда у Марины случались её мигрени, система срабатывала безупречно: таблетка и вода появлялись у кровати раньше, чем она успевала попросить, шторы задёргивались, Соня уводилась гулять, и в квартире устанавливалась глухая, оберегающая тишина. В такие дни Марина, лёжа в темноте, думала, что за ним всё-таки как за каменной стеной.

Сбоил только один тип заявок — те, у которых не было кода ошибки.

Когда ей бывало просто грустно — без мигрени, без причины, без симптомов, — система не знала, что делать. Глеб честно спрашивал: что случилось? Она честно отвечала: ничего. И он верил, потому что «ничего» — это отсутствие инцидента, и уходил к своим экранам, а она оставалась со своим «ничего» одна.

— Поехали в субботу на рынок, — сказала как-то Марина. — Зелень, сыр этот, помнишь, у деда брали. Просто погуляем между рядами.

— Зачем? — не понял Глеб. — Всё привезут. Я добавлю сыр в шаблон.

— Не надо в шаблон. Я хочу с тобой на рынок.

— Там толпа и дороже.

— Глеб. Я хочу — с тобой — на рынок, — сказала она по слову, как диктуют номер телефона. — Не за сыром. Просто.

Он честно попытался обработать «просто» — и не нашёл, к чему его применить. Поездка без цели, за товаром, который привезут дешевле, в толпу, которую оба не любят... В итоге они, кажется, так и не поехали — что-то тогда навалилось по работе.

Сыр он в шаблон всё-таки добавил. Тот самый, у деда, — нашёл поставщика, сверил по фотографии. Сыр приезжал теперь каждую пятницу, и был правильный, и Марина его ела.

Заявок на «просто» она больше не подавала.

Глава 14. Годовщина

Напоминание сработало за две недели: «Годовщина. 12 лет. Организовать».

И Глеб организовал — как умел, то есть безупречно. Ресторан выбирался по методике: отсеять новооткрытые (нестабильны), отсеять модные (шум, очередь), прочесть отзывы за полгода, отдельно — жалобы, потому что хвалебное пишут под настроение, а жалуются по делу. Осталось тихое место со столиком у окна; бронь он подтвердил дважды, второй раз — лично, заехав по дороге с работы и осмотрев столик, как осматривают серверную. Пионы заказал к семи: в файле «Семья», в строке «Марина: цветы», давно и точно значилось — «пионы, не розы, розы — траты напоказ». Соня отправлялась к бабушке («заберём завтра к обеду, после оладий, раньше не отдаст»), такси на восемь, обратное на одиннадцать.

Был и подарок. Полгода назад, в случайном разговоре, Марина обронила, что у неё «когда-нибудь будут нормальные жемчужные серёжки, как у мамы в молодости», — обронила и забыла в ту же минуту. Глеб не забыл: строка легла в файл, к марту нашёлся ювелир, к годовщине — коробочка. План был без единого зазора.

Вечер прошёл по плану.

Марина вышла из спальни в новом платье, и Глеб — наученный, натренированный на своих ошибках — отложил телефон заранее и сказал: «Красивое. Тебе идёт». Это было правильно, по учебнику, и она улыбнулась чуть грустнее, чем следовало бы: он выучил урок, и было слышно, что выучил.

В ресторане было тихо и хорошо. Он подливал вино, задавал вопросы — из тех, что задают на свиданиях: о чём мечтала в детстве, куда бы поехала, если б куда угодно. Она отвечала сначала коротко, из вежливости к методике, а потом вдруг увлеклась и рассказала, как в девятом классе всерьёз собиралась в художественное училище, уже и папку собрала, но мама сказала «сначала нормальную профессию», — и как она до сих пор иногда думает про ту папку. Глеб слушал не перебивая. «Ты никогда не рассказывала», — сказал он. «Ты никогда не спрашивал», — сказала она без упрёка, просто как факт, и оба на секунду посмотрели в свои бокалы.

Коробочку он положил на стол между десертом и чаем. Марина открыла — и ахнула по-настоящему: серёжки были те самые, из случайной фразы, которую она сама не помнила.

— Ты запомнил, — сказала она тихо.

— Я записал, — честно сказал Глеб.

И в этом была вся их жизнь в четырёх словах: он записал — не запомнил сердцем, а внёс в файл, — но серёжки-то были настоящие, и подобраны с любовью, на которую он был способен, и она надела их сразу, у стола, глядя в тёмное окно как в зеркало.

Он даже произнёс тост:

— Двенадцать лет, — сказал он, подняв бокал и подумав. — Полёт нормальный.

И Марина рассмеялась — по-настоящему, потому что для человека, который боится летать, это был почти интимный тост, его фирменный юмор сухой выдержки, тот самый.

Был за вечер и ещё один живой момент — она рассказывала, как заказчица требовала «сделать логотип побольше, но чтобы незаметно», и Глеб вдруг улыбнулся не в свою обычную четверть, а шире, и сказал: «Покажи ей мой дашборд. Там всё большое и всего незаметно». Две секунды они смеялись вместе, глаза в глаза, и стол между ними исчезал.

Дома она поблагодарила его, поцеловала и сказала, что вечер был чудесный. Это была правда.

А ночью она лежала без сна и пыталась понять, что не так с чудесным вечером, к которому не к чему придраться. Всё было выбрано, забронировано, подтверждено дважды. Цветы — из файла. Серёжки — из файла. Вопросы — как по списку хороших вопросов. Идеальный вечер,

собранный, как мебель по инструкции, — и провести его можно было с любой женщиной, чьи предпочтения занесены в файл.

Кроме двух секунд про логотип. И ещё того «ты никогда не спрашивал», после которого он молчал не как отсутствующий, а как думающий.

Она уснула, держась за эти секунды, как держатся за поручень.

Глава 15. Виноград

К Косте и Даше собирались так долго, что Глеб успел трижды пожалеть, что вообще согласился поехать.

Костя был его самым старым другом — с первого курса, из тех, кто помнит тебя ещё до того, как ты стал скалой. Раз в пару месяцев они с Дашей звали к себе своих, и Марина всегда радовалась этим вечерам как празднику, а Глеб всегда ехал на них как на не самую срочную, но обязательную задачу.

Марина собиралась в спальне почти час. Она перемерила три платья: зелёное отложила — «слишком нарядно, как будто я стараюсь»; тёмно-синее сняла через минуту — «в нём я как на собеседовании»; в итоге осталась в тёмно-красном, с открытыми плечами, надела серёжки-капли, которые Глеб когда-то ей подарил, и долго, старательно красила глаза перед зеркалом, то приближаясь, то отходя.

Глеб был готов за четыре минуты. На нём была та же синяя рубашка, что и всегда, и тёмные джинсы; про одежду он не думал вовсе — одежда была давно решённой задачей, зачем её пересматривать. Он сидел одетый в прихожей, поглядывал в телефон, где в рабочем чате как раз обсуждали что-то любопытное про архитектуру, и мыслями был уже наполовину там.

— Как я выгляжу? — спросила Марина, появляясь в дверях.

— Нормально, — сказал Глеб, не отрываясь толком от экрана. — Хорошо. Красное.

Он не поднял глаз. А ей нужно было, чтобы он поднял глаза. Не оценку «красное» — а чтобы он посмотрел. Она это проглотила, как проглатывала уже давно, но что-то на лице чуть застыло.

— Слушай, — сказал Глеб, вставая, — давай я по-быстрому гляну один тикет, тут интересная штука всплыла, две минуты, и поедem.

— Глеб. Мы уже опаздываем. Ты обещал, что сегодня без телефона.

— Это правда две минуты.

Две минуты превратились в двадцать, как они всегда превращались, потому что внутри узкого луча время текло по своим законам. Когда он наконец оторвался, Марина уже стояла у двери в пальто, с той ровной, стянутой в нитку улыбкой, которую он не умел читать. Всю дорогу в машине она молчала, глядя в окно, а потом сказала, не оборачиваясь:

— Мы едем к живым людям, Глеб. К друзьям. А не на код-ревью.

Он кивнул, соглашаясь, и честно не понял, что она имела в виду.

Костя открыл им сам — в растянутом домашнем свитере, в носках, с бокалом вина в руке и с таким лицом, будто они лучшее, что случилось с ним за неделю. Из глубины квартиры пахло запечённым мясом и почему-то корицей, играла негромкая музыка, слышался смех. Даша выглянула из кухни — в чём-то длинном и уютном, волосы распущены, поверх наряда повязан кухонный фартук в пятнах, — помахала им рукой и крикнула, что через десять минут всё будет готово.

Гостиная у них была полной противоположностью всему, что было у Глеба дома.

Верхний свет не горел — комнату согревали несколько ламп по углам и живые свечи на подоконнике, и от этого всё казалось желтоватым и тёплым. Огромный продавленный диван был завален подушками всех цветов и клетчатым пледом, в котором утонул рыжий кот. Книжные полки шли до потолка, и книги на них стояли не по порядку, а вперемешку с фотографиями, ракушками, чьей-то детской поделкой, магнитами из поездок, засохшим букетом. Журнальный столик был заставлен так, что не видно было дерева: вино, тарелка с сыром, оливки, хумус, хлеб, чьи-то забытые очки, распечатанная настолка. Гирлянда из тёплых лампочек висела по стене без всякого повода, просто так. Всё здесь было живым, тёплым и слегка беспо-

рядочным — комната, в которой явно жили, не убирая за собой лишнего, потому что лишнего тут не было вовсе.

Глебу в такой комнате всегда было чуть неудобно. Слишком много незапротоколированной жизни, разбросанной по поверхностям. Дома у него был идеальный порядок и ровный аквариумный свет, и он думал, что так спокойнее. Здесь, среди чужого тёплого хаоса, он чувствовал себя как отлаженная система, случайно запущенная не в той среде.

Кроме них пришли ещё Паша с Лерой. Паша, Костин друг ещё со школы, был большой, бородатый и молчаливый — но молчаливый иначе, чем Глеб: он молчал, как печка, тепло, кивая и посмеиваясь в бороду, а раз в час выдавал одну фразу, от которой стол падал. Лера, его девушка, была его полной противоположностью — маленькая, громкая, сразу со всеми на «ты»; она говорила за двоих, ела с чужих тарелок и на любой рассказ реагировала всем телом. Как эти двое сошлись, не понимал никто, а смотреть на них было — отдельное удовольствие. Ужинали долго, шумно, перебивая друг друга. Даша кормила так, будто завтра война: запечённое мясо сменялось пирогом, пирог — сыром, и на все «я больше не могу» у неё был один ответ: «А это и не надо мочь, это надо есть». Говорили обо всём сразу: Лера в лицах показывала свою начальницу, Костя рассказывал, как они с Дашей заблудились в Стамбуле и час объяснялись с торговцем коврами, который в итоге напоил их чаем и не продал ковёр, — «лучший продавец в моей жизни, ничего не продал, а уходить не хотелось». Паша молчал, кивал, посмеивался в бороду — и когда Лера в третий раз завела про то, что начальница требует от неё «гореть на работе», уронил в паузу: «Скажи ей, что по технике безопасности гореть на рабочем месте запрещено». Стол лёг. Лера торжественно поцеловала его в лысину.

Глеб больше молчал, вставляя точные короткие реплики, над которыми иногда смеялись, а иногда нет. Марина рядом постепенно оттаивала, втягивалась в общий тёплый гвалт, и Глеб краем замечал, как ей здесь хорошо, — и не мог понять, почему ему самому для такого «хорошо» всегда чего-то не хватает, будто между ним и общим весельем натянута тонкая плёнка.

После ужина Даша хлопнула в ладоши и принесла игру.

— Так, отставить телефоны! Играем. Правила простые. — Она потрясла стопкой карточек. — Тянешь ситуацию, лепишь себе на лоб для форса — и быстро, не думая, рассказываешь, как бы ты из неё выкрутился. Думать нельзя, это главное! Кто затупил — тот проиграл. Кто рассмешил — молодец. Погнали!

Первый круг пошёл легко и весело. Лера изображала, как убегала бы от бывшего в супермаркете, Костя — как объяснялся бы с гаишником, а Паша по своему обыкновению долго молчал над карточкой, огладил бороду и выдал одну-единственную фразу, от которой Лера упала лицом в подушку. Хохотали до слёз. Дошло до Глеба. Он вытянул карточку, прилепил её на лоб — «Как разрядить неловкую обстановку за столом» — и все притихли, потому что от скалы никто не ждал ничего смешного.

А Глеб, с абсолютно каменным лицом, ровным голосом, каким докладывал о причинах аварии, рассказал, как однажды в студенчестве, на скучном семейном ужине у одногруппника, он заранее закатил себе в ноздрю крупную виноградину. А потом, в самый тихий момент, сделал вид, что собирается чихнуть, картинно поднёс салфетку, «высморкался» — и торжественно предъявил всем на салфетке эту самую виноградину с выражением глубочайшей озабоченности на лице, будто извлёк из себя нечто чудовищное.

Он рассказывал это без единой улыбки, деловито, с точными паузами, уточняя детали — какого размера была виноградина, как именно вытянулись лица, — и именно эта его инженерная серьёзность делала историю в десять раз смешнее. Стол взорвался. Лера визжала, Костя сполз с дивана, Паша хлопал по столу так, что подпрыгивали бокалы. А Марина хохотала, откинувшись назад, вытирая слёзы, и смотрела на Глеба так, как не смотрела уже очень давно, —

потому что вот он, тот самый Глеб, в которого она когда-то влюбилась: неожиданный, живой, с этим сухим убийственным юмором из-под каменного лица.

На секунду плёнки между ним и всеми не стало. Он был здесь, со всеми, весь. В безопасной, понятной, ограниченной правилами игре — где нужно было выдать заготовленный смешной ход, а не почувствовать чужое живое — у него получалось блестяще.

Глава 16. Серьёзный круг

Второй круг Даша объявила, когда со стола уже унесли горячее и разговор сам собой стёк на негромкое.

— Так, а теперь серьёзный круг, — сказала она, довольная своей идеей. — Чтобы узнать друг друга по-настоящему. Не смешные, а как в жизни. Глеб, ты так хорошо пошёл — с тебя и начнём.

Она протянула ему новую карточку. Глеб прочитал вслух, всё тем же ровным голосом:

— «Что бы ты делал, если бы у близкого друга обнаружили рак?»

За столом стало теплее и тише — из тех вопросов, на которые люди отвечают о себе главное: я бы бросил всё и был рядом, я бы возил его на процедуры, я бы просто держал за руку. Все ждали чего-то в эту сторону. Костя даже чуть подался вперёд.

Глеб задумался — честно, как над задачей, — и заговорил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.